

Информация для цитирования:

Абдикалык К. Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?) / К. Абдикалык, Н. Балтабаева, Б. Кожекеева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 153—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-153-171.

Abdikalyk, K., Baltabayeva, N., Kozhekeyeva, B. (2024). Tragic Elements in M. Dulatov's Poem 'Qaida edin'? (Where Were You?). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 153-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-153-171. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Трагическое
в стихотворении
М. Дулатова «Қайда едің?»
(Где были вы?)**

Абдикалык Кунирман
orcid.org/0000-0001-9350-7465
кандидат филологических наук,
профессор,
*корреспондирующий автор
kun_jan.16@mail.ru

Балтабаева Наргиза
orcid.org/0000-0001-8081-8088
кандидат педагогических наук
balnargiza@mail.ru

Кожекеева Бекзада
orcid.org/0000-0001-7887-9789
кандидат филологических наук,
и.о. профессора
bekzada61@mail.ru

Казахский национальный женский
педагогический университет
(Алматы, Казахстан)

Благодарности:
Статья выполнена в рамках проекта
по теме AP14871300
«Отражение движения Алаш
в национальной литературе
и личность интеллигенции»

**Tragic Elements
in M. Dulatov's Poem 'Qaida
edin'? (Where Were You?)**

Kunimzhan Abdikalyk
orcid.org/0000-0001-9350-7465
PhD in Philology, Professor,
*corresponding author
kun_jan.16@mail.ru

Nargiza Baltabayeva
orcid.org/0000-0001-8081-8088
PhD in Pedagogy
balnargiza@mail.ru

Bekzada Kozhekeyeva
orcid.org/0000-0001-7887-9789
PhD in Philology,
Acting associate professor
bekzada61@mail.ru

Kazakh National Women's
Pedagogical University
(Almaty, Kazakhstan)

Acknowledgments:
The article is prepared
within the framework of the project
on the topic AR14871300
“Reflection of the Alash movement
in national literature and
the intellectual personality”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной картины истории развития казахстанской литературы начала XX века на примере анализа трагического в творчестве Мыржакып Дулатова. Авторы осмысливают различные подходы к исследованию данной эстетической категории в трудах И. И. Плехановой, В. Е. Хализева, Е. В. Волковой. Научная новизна заключается в том, что впервые стихотворение «Қайда едің?» (Где были вы?) анализируется в заявленном аспекте. В результате исследования установлено, что, во-первых, трагические события (а точнее — насильственная мобилизация казахов для участия в Первой Мировой войне и голод) стали сюжетной основой данного стихотворения. Во-вторых, важным средством передачи трагического является антитеза. В-третьих, казахский образ мира (steppe — край — алаш — народ), воссозданный в данном стихотворении, тесно переплетается с трагической безысходностью, а семантические грани концепта НАРОД включают жизненные ценности человека: steppe, семья, род, связь поколений, жизнь. В-четвертых, синтаксический параллелизм, различные виды повторов, риторический вопрос и другие способы организации стихотворной речи — все это помогает автору выразить собственную точку зрения и вовлечь читателя в поиск ответа на вопрос о виновнике трагических событий.

Ключевые слова:

трагическое; стихотворение; Мыржакып Дулатов; голод; Первая Мировая война; алаш.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this article is justified by the necessity to construct a comprehensive picture of the development of Kazakh literature at the beginning of the 20th century through the analysis of tragic elements in the works of Myrzakhyp Dulatov. The authors critically evaluate various approaches to studying this aesthetic category in the works of I.I. Plekhanova, V.E. Khalizev, and E.V. Volkova. The scientific novelty lies in the first-time analysis of the poem 'Qaida edin?' (Where were you?) from the declared perspective. The research establishes that, firstly, tragic events (specifically, the forcible mobilization of Kazakhs for participation in World War I and famine) form the narrative basis of this poem. Secondly, antithesis serves as a significant means of conveying tragedy. Thirdly, the Kazakh worldview (steppe — land — Alash — people) depicted in this poem intricately intertwines with tragic hopelessness, where the semantic boundaries of the concept PEOPLE encompass human life values: steppe, family, lineage, generational ties, life. Fourthly, syntactic parallelism, various forms of repetition, rhetorical questioning, and other poetic devices aid the author in expressing their own viewpoint and engaging the reader in the quest to identify the culprit behind tragic events.

Key words:

tragic; poem; Myrzakhyp Dulatov; famine; World War I; Alash.

УДК 821.512.122Дулатов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-153-171

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Трагическое в стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?)

© Абдикалык К., Балтабаева Н., Кожекеева Б., 2024

1. Введение = Introduction

Современное литературоведение Казахстана располагает определенным количеством работ, посвященных анализу произведений М. Дулатова — казахского просветителя и поэта начала XX века. Этот исследовательский интерес свидетельствует о постоянном внимании к его творческому наследию, которое стремительно развивалось в 10—20-е годы прошлого столетия и трагически оборвалось в 30-е годы. Дулатовская поэтика содержит в себе множество вопросов, которые мало кого оставят равнодушным. Например, тема бесправия казахских женщин, тема детства, образы одиночества, молодого поколения и т. п. Многие из них еще требуют своего научного объяснения. К их числу относится и категория трагического.

Цель статьи — раскрыть природу трагического в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?), написанном на основе событий в Казахстане 1910—1920-х годов, и выявить его художественное своеобразие. Предмет исследования — авторское понимание трагедийности и его отображение в художественной системе данного стихотворения.

Выбор данного стихотворения неслучаен. В нем пунктирными линиями представлена жизнь простого жителя степи и те тяжелые обстоятельства, которые стали неотъемлемой частью жизни казахов в начале XX века. Анализ этого произведения, с одной стороны, предполагает выявление и осмысление присутствующей в нем трагической модальности с целью уточнения её сущности и специфики проявления в творчестве казахского просветителя начала XX века, с другой — помогает понять и оценить трагическую ситуацию, сложившуюся в действительности в казахской степи.

Проблема трагического — это своеобразный шанс по-новому представить творчество М. Дулатова и тем самым дополнить опыт современного литературоведения Казахстана.

Казахский поэт, осмысливая противоречия современной ему катастрофической эпохи, стремится средствами и силой своего таланта художественно раскрыть их трагические истоки. В его произведениях отражены

различные социальные и политические события того времени, которые оказали огромное влияние на жизнь казахского общества в целом. Поэт в своих стихах постарался передать всю сложность и трагизм пережитых событий, показать истинную картину происходящего, развеивая иллюзии о «светлом» будущем в Казахстане.

Исследование может способствовать глубокому пониманию эстетических, философских и психологических аспектов творчества Мыржақыпа Дулатова, а также расширить наши знания о влиянии трагического опыта на литературное творчество в целом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ произведений М. Дулатова с использованием теоретических принципов и положений, представленных в исследованиях западно-европейских, российских и казахстанских ученых, позволяет более глубоко понять трагическое сознание, отраженное в его творчестве.

Анализ трагического мироощущения и его составляющих выявляет общие черты трагического сознания и его проявления в литературе, о которых неоднократно писали Гегель [Гегель, 1971], Шопенгауэр [Шопенгауэр, 1998], Ницше [Ницше, 1996] и др. Шиллер [Шиллер, 1957], Шеллинг [Шеллинг, 1996] и другие философы в своих исследованиях подробно останавливаются на роли эпических и трагических мотивов, что позволяет соотнести драматическое у Дулатова с мировоззрением казахского народа.

Работы В. Г. Белинского [Белинский, 1959], Н. Г. Чернышевского [Чернышевский, 1973] и других российских мыслителей помогут понять, почему важен социально-исторический контекст при анализе произведений Дулатова, что именно оказало влияние на формирование трагического сознания у казахского поэта начала XX века.

Теории Лессинга, Дидро помогли определить эстетические и философские аспекты творчества Дулатова и его отношение к проблемам трагического.

Важно отметить, что интерес к трагическому периодически изменяется в научной среде, что отражает динамику и эволюцию научного мышления и общественных ценностей. Например, монографии Л. А. Колобаевой [Колобаева, 1990], М. Ф. Пьяных [Пьяных, 2003] и коллективная работа «Катарсис. Метаморфозы трагического сознания» [Катарсис, 2007], а также книга Ю. Б. Борева «О трагическом» [Борев, 1961] являются важным вкладом в литературоведение XX века и в изучение трагического.

Понятие «пантрагизм» представляет собой попытку расширить сферу трагического, рассматривая его как универсальную категорию миропо-

нимания [Плеханова, 2001, с. 12—15]. Оно предполагает, что трагедия не ограничивается отдельными событиями или произведениями искусства, а является неотъемлемой частью существования, становясь состоянием мира. Трагическое воспринимается как неотъемлемая часть человеческого опыта, связанная с несогласием с миром, с протестом против зла, сознанием своей собственной обреченности и одиночества.

Однако, как указывает В. Е. Хализев, подобное «разбухание» трагического до пантрагизма может привести к отвержению самой категории трагического [Хализев, 2009, с. 119]. Подход, согласно которому человеческое существование определяется катастрофичностью и бессмысленностью, может исказить суть трагического, лишив его глубины и значимости.

Тем не менее, по мнению И. И. Плехановой, в сферу трагического необходимо включить персонажей различных типов, не только интеллектуальных и рефлексивных, но и «незаметных» героев [Плеханова, 2001, с. 21]. Это позволяет более полно охватить разнообразие человеческого опыта и его взаимодействие с трагическими ситуациями.

Суждения Е. В. Волковой, высказанные в книге «Трагический парадокс Варлама Шаламова», открывают интересную перспективу анализа трагического в литературе [Волкова, 1998, с. 32]. Она связывает наличие трагического не только с классическим жанром трагедии, но и с повествовательными текстами, такими как повести и рассказы, которые описывают жизнь в тоталитарных условиях.

Этот подход расширяет понимание трагического, показывая, что оно может проявляться не только в драматических событиях, но и в повседневных жизненных обстоятельствах. Описания «мучений» и страданий людей в атмосфере тоталитарного режима также содержат в себе элементы трагического, отражая борьбу человека с невыносимыми условиями существования, с лишениями и потерями.

Если анализировать не только трагедии на сцене, но и повествования о реальных жизненных ситуациях, становится возможным расширить понимание того, что может вызывать трагические чувства и реакции у людей, которые, по мнению исследовательницы, часто «сметаются как мусор».

Сама история казахского народа насыщена трагическими событиями. Годы великого бедствия 1723—1727, ядерные испытания, гибель Арала и многое другое — все это неизменно находит отражение в фольклоре и литературе Казахстана.

Следовательно, история изучения трагического является довольно долгой и не заканчивается на сегодняшний день. Известные ученые, как российские, так и зарубежные, предлагают различные концепции осмысления трагического, а также целый ряд подходов к его определению.

Основная тенденция, характерная для этих концепций, заключается в признании того, что в жизни как отдельного человека, так и социальной группы могут возникать непримиримые противоречия, такие как конфликт между личным чувством и обязанностью перед семьей или обществом, или между жадой сохранения собственной жизни и необходимостью жертвы ради высоких идеалов и целей.

Разные точки зрения помогают понять, как трагическое проявляется в разных контекстах и сферах жизни и как люди реагируют на эти противоречия. Анализ этих работ позволяет лучше понять сущность трагического и его значение для человеческого опыта. Видимо, поэтому А. Ф. Лосев подчеркивал, что «определить трагическое, отражающее многогранность данного понятия, — весьма трудоемкая работа» [Лосев, 1983, с. 691]. Осмысление этого термина сопряжено со сложными моментами человеческого существования, включая конфликты, страдания и смерть. Трагическое отражает не только глубинные противоречия человеческой природы, но и бесконечный поиск человеком смысла и ценностей в условиях социальных, личных противоречий.

Материалом исследования явилось стихотворение «Қайда едің?» (Где были вы?) М. Дулатова (перевод А. Айтжановой) как наиболее репрезентативное с точки зрения воплощения в нём трагического. Ключевым выступает метод целостного анализа художественного произведения, позволивший осмыслить *трагическое* в единстве образно-тематической и мотивной структуры произведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трагическое, его образ и составляющие в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?)

Мыржакып Дулатов, один из лидеров партии «Алаш-Орда» и национально-освободительного движения, сыграл значительную роль в просвещении и формировании культурного самосознания казахского народа. Его первый казахский роман «Бакытсыз Жамал («Несчастливая Жамал») и стихотворение «Оян, казак!» («Проснись, казах!») оказали глубокое влияние на развитие литературы.

Стихотворение «Оян, казак!» («Проснись, казах!») (1909) стало знаковым событием в истории казахской литературы. Это произведение повлекло преследования со стороны царского правительства и вызвало огромный резонанс среди читателей в Казахстане и других странах. Например, первый президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк поручил перевести это издание на турецкий язык и выпустил книгу «Проснитесь, турки!». Своими произведениями он воспевал героизм и дух японского народа, что вы-

звало интерес и признание со стороны граждан Японии; была даже издана книга «Проснись, японец!» [Құмырзақұлы].

Трагический личный опыт (заключение в Бутырской тюрьме, отбывание срока на Соловках и др.) повлиял на его поэтический язык и тематику произведений, которая демонстрирует широкий взгляд на жизнь казахского народа и глубокое сочувствие к его трудностям и страданиям. Названия произведений часто отражают разнообразие тем, начиная с описания персонажей и жанровых особенностей и заканчивая особенностями отображения пространства, времени и эмоционального состояния. Например, некоторые названия содержат указание на персонажа («Алаш», «Юношам», «Потерянная девушка»). В других обозначается жанр («Новое пожелание», «О молитвах», «Загадка»). Простые названия произведений лексически характеризуют темы «Сломленная душа», «Эпоха скорби», «Немного слов о нашей бедности». Есть названия, в основе которых лежат пространство («Казахские земли», «Чистый родник») и время («Утро», «Наурыз»). Встречаются названия стихотворений, выражающие чувства или эмоциональное отношение к чему-либо («Тоска», «Радость», «Мое сокровенное»). Несмотря на то, что большинство названий стихотворений М. Дулатова семантически просты, они несут смысловую нагрузку, в которой зачастую содержатся элементы трагического: мертвая пустынная земля после джута; холодный туман; заброшенные ямы; пугающие тени людей; что-то тревожное, болезненное, страшное, странно-одинокое. Сквозные темы стихотворений М. Дулатова — трудная судьба женщин, война, смерть, вера, безвластие. Среди ключевых образов — одиночество, скорбь, душа. Главный принцип изображения жизни, которая происходит вокруг поэта, — внимательное взглядывание, мучительное постижение, тяжелая печаль из-за беспомощности людей, их нежелания что-либо изменить, невозможности женщин бороться в полную силу с окружающей их несправедливостью.

Произведений подобной направленности в казахской литературе начала и середины XX века немало. Среди них можно отметить произведения С. Торайгырова, Ж. Аймаутова, А. Байтурсынова, М. Ауэзова и др.

Интерес к теме трагического в 10—20-е годы XX века хорошо охарактеризовал П. Топер. Исследователь подчеркивает, что это «то время, когда жизнь была в предельном напряжении, нравственном и физическом; жизнь, наполненная беспрестанными лишениями, постоянной угрозой смерти и самой смертью — неотвратимой, слепой, многоликой. Это время, наполненное неисчислимыми разрушениями, опасностью, нависшей над родными и близкими, над привычными жизненными устоями, над самим существованием народным, — атмосфера современной машинной войны,

которая ведется не просто армиями, не просто государствами, а народами» [Топер, 1975, с. 89—116].

Наиболее ярко трагическое представлено в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?). В нем отражены боль и разочарование перед лицом социальных и политических проблем, с которыми столкнулся казахский народ в начале XX века. М. Дулатов стремился не только отразить реальность времени, но и внести важный вклад в формирование общественного сознания и мировоззрение казахского народа.

Это стихотворение состоит из 7 строф. Каждая из 6 строф имеет 6 стихов, и только последняя 7-я строфа состоит из 8 строк. Практически в каждой строфе пафос трагического противостояния террору царской России. В сознании поэта диалог двух философских начал — жизни и смерти. При этом сила безумия и смерти настолько велика, что жизнь оказывается слишком хрупкой и беззащитной под этим натиском.

В стихотворении представлено эмоционально-трагическое отражение исторического слома — Первой мировой войны, мобилизации казахов, голода, принесших гибель и разрушения вековых устоев казахской степи. Автор описывает происходящее вокруг него, подчеркивая обреченность ситуации.

События (поиск жизненного пути, бессмысленность происходящего, война и т. п.), описанные в стихотворении, толкали людей на край социальной бездны. Это усиливает ощущение безысходности и обреченности происходящего. Автор указывает на географические реалии: *«Раздолье земли Сары-Арки // Звенящие воды озер // И гор высоких простор»*. Тем самым реализуется укрупнение проблемы через пространственный масштаб. Но, описывая модель нового мироустройства, созданного по воле самих людей, трагическим он маркирует происходящее.

Все составляющие казахского образа мира (степь — край — алаш — народ) имеют печать трагической безысходности. Сам предметный мир передает катастрофу человека, который вынужден быть в условиях всеобщей гибели: *«Оставив родные края // Босые, нагие и рван, // Все вместе, жена, муж, дитя // Бежали...»*. Окружающий мир не просто меняет свои функции (*«Детей всех лишили отца // Сломали согнуто крыло // ... И степи от слез людей жгло»*), само его существование становится шокирующим знаком вывернутости человеческой жизни: *«Умножили горе людей // Погнали на фронт всех в слезах»*.

Семантические грани концепта НАРОД включают представления о жизненных ценностях человека: *степь, семья, род, связь поколений, жизнь*. Однако в стихотворении, в поэтическом изложении они трагически сужаются до отрицательных признаков людей: *плохой, злодей, скряга, пугливый*.

Для М. Дулатова «*алаш*» (в переводе означает «казах») в первой строфе — основание жизни в родной степи. Как писал А. Ф. Лосев, «именем и словами создан и держится мир» [Лосев, 1999, с. 368].

По мнению поэта, единственный способ противодействия трагическому изменению национальных устоев, определяющих жизнь казахов во всем ее многообразии, — это «зацепиться» именем за жизнь и не позволить надвигающейся катастрофе всецело поглотить народ.

Трагическая событийность стихотворения — своеобразный вызов тенденциям, которые искажают и стирают личностное и индивидуально-неповторимое. Казахский поэт, изображая казахов, раскрывает двойственность их характера. С одной стороны, он показывает, как они уничтожены страхом и непониманием происходящего, попадают под влияние внешних факторов и обстоятельств.

С другой стороны, поэт указывает на внутренние причины трагических событий, которые связаны с личным характером каждого: пугливость, самолюбование, глупость и прочие. Они становятся источником слабости и уязвимости, которые и влекут трагические последствия.

Таким образом, поэт призывает казахов осознать свои внутренние проблемы и недостатки, преодолеть их и стать сильнее, чтобы сопротивляться внешним угрозам и сохранить себя в условиях обезличивающей действительности. Это выступление М. Дулатова против тенденции искажения личностного и индивидуального является важным элементом сохранения культурного наследия и национальной идентичности.

Размышления поэта о происходящем роднит данное стихотворение по мироощущению с греческой трагедией. В некоторых древнегреческих трагедиях нет показа исторических событий, но есть трагические знания, то есть итог, к которому ведет трагическое действие. В данном стихотворении это знание выражено многотипностью лирического героя. В некоторых строфах он просто рефлексирующий герой-интеллигент, мучительно переживающий за судьбу народа, в других — благочестивый герой, в котором сконцентрирован многовековой духовный опыт целого народа. И верность таким традициям, как любовь к ближнему, чувство долга, трудолюбие и т. п., незыблема, даже если алаш на краю гибели.

Движение повествовательного времени также представлено двумя линиями. Первая — это «я», автор-герой как свидетель и участник трагических событий. Он живет в ретроспективном поле сознания рассказчика. Вторая — повествующий «я», то есть уже инициатор настоящего времени повествования. При этом трагедийность пережитого для повествователя не прошлое, а наоборот — настоящее.

Последний 7-й куплет даёт читателям трагический катарсис двух крайних противоположностей — трагического и повседневного: само явление жизни оказывается вечным и неразрушимым. А главной ценностью и центром художественного мира М. Дулатова, несмотря на весь трагизм происходящего, является неповторимая человеческая индивидуальность с её особым местом в мироздании: казах.

Сущность трагического во внешней действительности М. Дулатов не сводит к широкомасштабной обрисовке исторического по характеру социального и классового антагонизма. Идея «блага» для народа посредством участия в войне ставится поэтом под большое сомнение. На первый план у М. Дулатова выходит проблема сущности враждебной народу царской власти, провоцирующей социальное беззаконие, подвергающей народ физическому и духовному истреблению. Типичные её представители — «глупые», «скряги», «пугливые» и т. п.

Через свои произведения М. Дулатов пытается пролить свет на темные стороны жизни казахского общества своего времени и призвать к пониманию, сочувствию и изменениям.

3.2. Антитеза как способ выстраивания трагического в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?)

Начало «невыдуманной» трагедии в жизни казахского поэта М. Дулатова, как уже отмечалось выше, связано с деятельностью партии «Алаш» и созданием автономной казахской республики. Это то время, когда он сделал свой окончательный выбор как гражданин и поэт. В 1910—1930-е годы в степи стали происходить события, которые не каждому удалось пережить: война, страдания народа, мобилизация, революция, непонимание и предательство со стороны царских чиновников. *Трагическое* в судьбе Казахстана и казахской культуры начала XX века стало главной темой патриотической лирики М. Дулатова.

Первую мировую войну казахский поэт и просветитель осмыслил и был готов изобразить ее таковой, какой она была в действительности. Неслучайно исследователи его творчества считают, что трагическое у поэта действительно воплотилось «по-настоящему» тогда, когда появляются социальные мотивы, связанные с войной и революцией. В. Н. Топоров видит в процессе формирования личной парадигмы на основе исторических образцов *историзм*. Однако этот личностно-исторический синтез не только подчеркивает значение истории как таковой, но также изменяет как ее смысл, так и историзм в целом. В. Н. Топоров, продолжая мысль, подтверждает, что синтез открывает новые возможности выхода за пределы исторического и включения историзма в более широкий контекст явлений [Топоров, 1990, с. 277—418]. Другими словами, личные интерпретации

исторических событий и образцов могут помочь людям оценить историю не только как прошлое, но и как источник мудрости, опыта и уроков для настоящего и будущего. Историзм становится комплексным и многослойным, когда включает в себя объективные факты и явления, а также их личные и эмоциональные интерпретации.

Ключевая роль в создании трагического настроения и в выстраивании художественной структуры стихотворения «Қайда едің?» (Где были вы?) принадлежит антитезе. Она выражается через контрастное противопоставление двух состояний (или событий), что подчеркивает трагическую драматичность происходящего.

Первая строфа данного стихотворения сразу устанавливает противопоставление между тем, что было, и тем, что должно было быть, в вопросе: «*Алаш шел, не зная дорог // Ответьте, вас много сейчас // Где ж были, вожди, в трудный час?*». Здесь контрастируют два состояния: трудное время, когда нужна помощь и поддержка, и отсутствие тех, кто должен был быть рядом. Этот контраст усиливается повторением вопроса, создавая эффект беспомощности и разочарования.

Поэт постоянно ощущает себя и свою судьбу внутри человеческой истории, в данном случае — внутри происходящего в казахской степи: в период Первой мировой войны проводилась мобилизация казахов. Стихотворение предельно ситуативно и стремится быть прямым откликом на трагические события тех лет. Судьба лирического героя стихотворения в полной мере соотносится с судьбой поэта, что подтверждает тему общей судьбы и ее трагического пути всего казахского народа. Направленность на общее, готовность лирического героя всё пережить вместе со своим народом предстает в стихотворении как солидарность в беде и подвигах.

Параллельно с антитезой развивается парадокс, выраженный в последних строках стихотворения, подчеркивающий трагизм ситуации: «*Опора не знали мы где // Без цели куда-то мы шли // И смысла не было нигде...*». Здесь автор подчеркивает не только отсутствие помощи и поддержки, но и потерю смысла в происходящем в Казахстане в начале XX века, что усиливает трагизм звучания поэтических строк.

Синтаксический параллелизм служит для выделения ключевых моментов в трагедии казахского народа. Контактный параллелизм, сопровождаемый лексическим ассонансом, эффективно акцентирует внимание на вопросе «Қайда» (где?), делая его семантическим центром стихотворения.

Использование синонимичных конструкций, таких как *темные дни / безлунные ночи*, помогает усилить эмоционально-драматический оттенок текста.

Повторение точной рифмы в последних строках каждого куплета позволяет усилить звучание стихотворения и создать музыкальный ритм, ко-

торый способствует трагическому воздействию текста на читателя. Этот вид повтора обеспечивает гармоничную структуру стихотворения и придает ему смысловую законченность.

Глагольные повторы, такие как *шел* и *брели*, выражают динамичность действия и подчеркивают движение событий в стихотворении. Этот прием нагнетает ощущение напряженности и драматизма происходящего. Таким образом, повтор в различных формах служит ключевым средством выстраивания структуры и смысла стихотворения.

Повторы в последней строфе данного стихотворения играют важную роль в формировании образа лирического героя и его взгляда на окружающий мир. Так, например, они создают альтернативную номинацию: повторы слова *ким* (кто) и его сочетания с различными прилагательными (*жаман, надан, жауыз, саран, жалтак*) формируют разнообразные ассоциации и образы жителей степи. Это позволяет лирическому герою выразить свое разочарование и обеспокоенность поведением и характером окружающих его людей. Кроме этого, они содержат элементы социальной критики, обличения недостатков современного поэту общества и формирования образа героя данного стихотворения.

Повторы изменяют описываемые трагически ситуации, акцентируя внимание на общественных универсалиях и вызывая эмоциональный отклик у читателя. При этом лирический герой становится не просто наблюдателем, но и критиком общественной действительности, выражающим свое негодование по отношению к существующим явлениям.

Повторы слов и их комбинаций создают эффект обличения и обвинения. Поэт выражает свое недовольство сложившейся ситуацией, намекая на то, что трагедия, которую возможно было избежать, имеет глубокие исторические корни и отрицательно сказывается на жизни казахского народа.

В стихотворении сделан акцент на конфликте между знанием и невежеством, между лидерством и гордостью. Повторы слов, характеризующих образованных и мудрых людей, образуют оппозицию по отношению к словам, называющим людей, не имеющих цели и гордых. Это позволяет поэту обозначить свою позицию и выразить собственное осознание универсального закона человеческого существования, заключающегося в такой ценности, как патриотизм на деле, любовь к родной земле и ее обычаям.

Развертывание трагических образов позволяет читателю войти в мир внутренних драматических переживаний и раздумий поэта. Контрастные чувства, волнения и жертвенность народа передаются через трагедийную напряженность текста.

Риторический вопрос создает эмфатическую интонацию и делает читателя участником внутреннего монолога лирического героя. Это способ-

стует философско-трагедийному размышлению о человеке, его предназначении и мировоззрении.

Таким образом, различные формы повтора в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?) М. Дулатова выполняют важные функции, включая акцентирование смысловых и трагических аспектов текста, обеспечивая его целостность и выразительность. Наряду с этим повтор в стихотворении «Где были вы?» играет ключевую роль в формировании его структуры и стиля, а также в передаче эмоционально-трагического заряда и глубины содержания.

Структурные и стилистические приемы, такие как лексико-семантический повтор и риторический вопрос, помогают автору выразить свои идеи и вовлечь читателя в обсуждение важных философских и социальных вопросов.

3.3. Особенности организации стихотворения

Словарь стихотворения наглядно объективирует, что именно (в зависимости от преобладания той или иной части речи) доминирует во внутреннем мире лирического героя. Отбор предметов, реалий, понятий, признаков, набор действий в поэтическом тексте специфичны и определяются законами жанра и особенностями индивидуальной авторской манеры. Анализ существительных в стихотворении позволяет увидеть специфику его предметно-понятийного мира. Практически во всех шести куплетах преобладают существительные с конкретным предметным значением: названия географических реалий (*степь, дорога, звезды, луна, земля, озеро* и т. д.); слова, называющие людей (*дед, дети, женщины, лидер*). Такой набор существительных помогает создать конкретный и живой образ родины. В седьмом (последнем) куплете преобладают прилагательные, из-за чего создается впечатление, что лирический герой стоит в центре и, окинув взглядом все вокруг себя, замечает то, что происходит. Более пристально вглядываясь в облик родины, лирический герой меняет простую фиксацию впечатлений на их напряженное осмысление.

Прилагательные и наречия, которых не очень много, создают общий приглушенный колорит, который является в тексте господствующим, потому что абсолютен, однозначен негативными характеристиками и в потенции содержит в себе возможность подчеркнуть иной, более темный облик родины, акцентируя внимание читающего на происходящем в казахской степи (голод, смерть, фронт, гибель, плач детей и даже взрослых).

Обратим внимание на то, как меняется словоупотребление с цветовым значением. Оно дано только в первой строчке: день / ночь — и находится в ряду традиционных символических обозначений человеческой жизни. При этом в начале стихотворения обозначение «день» подразумевает светлое, радостное, доброе и т. п., а использование слова «ночь» служит

отсылкой к темному, плохому. И в остальных шести куплетах нет слов со светлой, доброй семантикой, наоборот, такие слова, как *дети, старшие, позор, бедствия, земля* и т. п., используются в основном для характеристики отрицательного, недоброго, суровой действительности.

Есть существительные с абстрактным значением — «ум», «душа» и т. п., но их значительно меньше по сравнению с предметными существительными. Это можно объяснить законами жанра гражданского послания, в котором разрабатывается преимущественно публицистическая тематика. «Вещный» мир в стихотворении «Где были вы?» предельно прост и конкретен.

Автор стремится не просто назвать предмет, а создать некое ассоциативное поле «соответствий». Затем в конце произведения акцентирован переход от предметов к качествам, от существительных к прилагательным, характеризующим человека. Они представляют собой своего рода каталог определений к слову «казах». Прилагательные исчерпывающе характеризуют многоликие, изменчивые качества характера: *плохой, злодей, не мудрый, глупый, скряга, не щедрый* и т. п., но ни одно из слов не завершает поиска. Неслучайно стихотворение заканчивается словами: «*Познать дал, ты — Бог, и таких!*». Прилагательные используются для реализации приема градации при перечислении отрицательных качеств: не просто «не мудрый», а именно глупый; не просто «не щедрый», а именно скряга.

В тематическом словаре этого стихотворения выделяются следующие основные тематические поля:

внутренний мир человека (как целое) — *душа, знание, сердце, ум;*
природа — *луна, степь, озеро, земля, туман;*
человек — *мать, казах, дед, ребенок, дети, старшие, женщина, мужчина, дорогой;*
бедствие — *голод, опекун;*
родина — *страна;*
важная составляющая (как часть) — *голова, крыло, язык, глаза;*
характер человека — *плохой, злодей, пугливый, скряга, не щедрый, всезнающий, горделивый.*

Приведенные слова попадают в это тематическое поле не только по своему словарному значению, но и по контекстуальному, которое они приобретают именно в данном стихотворении. Все выделенные тематические поля, в свою очередь, можно объединить в три большие группы: личное, природное, гражданское. Проблемы личные посредством описаний-штрихов природного переходят в констатацию и заканчиваются характеристикой человека как гражданина, у которого, к сожалению, только отрицательные черты.

В данном стихотворении поэт неоднократно использует чисто авторские противопоставления: один — вожди; голодный — щедрый; опора —

без цели и смысла; грустный — мудрец и т. п., которые подчеркивают личные качества человека в начале XX века.

Описанные выше тематические поля данного стихотворения группируются вокруг нескольких основных *семантических архетипов*, или *кодов*, сформировавшихся еще в фольклоре и литературе древности; см. аналогичный подход к проблеме «образных парадигм» (инвариантов, метафорических архетипов) в [Павлович, 1995], хотя в книге классификация проводится по другим основаниям.

Выделенную на нашем материале первую группу семантических архетипов, уходящих корнями в мифопоэтические представления древних эпох, можно назвать «Природа и космос» (*природный код*). Сопоставления человека с животными (кулан), светилами (солнце, луна), стихиями природы (огонь, море, озеро и т. п.) основываются на фольклорной образности. К этому комплексу образов можно отнести и «календарные» метафоры: времена года, времена суток (осень, утро, день, вечер и т. д.).

Вторую группу метафорических архетипов данного стихотворения можно объединить под названием «Социальное. Эпическое» (*эпический* или *социальный код*). Метафоры, входящие в эту группу, очевидно, представляют собой «свернутые» сюжетные ситуации, зародившиеся в эпосе: битва (война, бои, поражение и т. п.), странствие (дорога, путник и т. п.). К «социальным» метафорам могут быть отнесены образы дома с многообразными модификациями (например, степь).

В данном стихотворении наблюдается развитие темы посредством приема параллелизма, который получил широкое распространение в поэзии рубежа XIX — XX веков. Как отмечает Н. А. Кожевникова, параллелизм в поэзии используется «для установления точек соприкосновения между разными сферами изображения, смысловых соответствий и параллелей» [Кожевникова, 1986, с. 121]. В частности, с помощью параллелизма могут быть сопоставлены прямые и непрямые способы выражения одной и той же мысли, может состояться своего рода «перевод» с «предметного» языка на язык образных «соответствий». Прием используется «для установления точек соприкосновения между разными сферами изображения, смысловых соответствий и параллелей» [Кожевникова, 1986, с. 121].

Начиная с первой строфы стихотворения можно наблюдать психологизацию трагизма. Строки связаны между собой тематическими переключками между оттенками трагического.

Употребление глаголов внешнего действия (шли, были, сбились, сдали, сломали и др.) усиливает акцент на негативном восприятии событий лирическим субъектом.

Обратим внимание на композиционно-семантическую стройность стихотворения. Каждый из шести куплетов заканчивается словами «қайда едің» («Где были вы?»), и только последний 7-й куплет — повествовательным предложением.

В семантической композиции стихотворения единичное становится общим, и в то же время общее осмысливается как часть гражданской позиции лирического героя. В нерасторжимости общего и гражданского заключается специфика дулатовского восприятия родины.

Повтор слов «қайда едің» позволяет увидеть метаморфозу, которая происходит в сознании казаха. Если в начале текста говорится именно об определенных событиях, происходящих вокруг лирического героя, постепенно к концу подчеркивается причина происходящего — личные недостатки в характере: имеется в виду даже не возраст и психологическое состояние лирического героя, а его недалечность и безразличие, которые привели к описываемым драматическим событиям. В этом контексте переосмысливается и название стихотворения. Если при первом прочтении кажется приемлемым трактовать его как обычный вопрос о местоположении («Где были вы?»), то уже после первого куплета становится очевидной неоднозначность ответа: речь идет о судьбе целого народа, о трагическом времени в его истории. Итак, начавшись как личное изложение, стихотворение обнаруживает второй, гражданский план, а наблюдения над словарным и контекстным значением слов в стихотворении показывают, что слова, входящие в группы «Личное» и «Природа», используются в стихотворении для обозначения и характеристики гражданских чувств автора и адресата: любви к родине, надежды на перемены.

Следует отметить особенности сопряжения «человеческого» и «гражданского» в этом стихотворении. Они не сравниваются друг с другом, а выступают как тождественные явления: гражданское и есть человеческое. Личное не отбрасывается, не подавляется, а лишь расширяет сферу, трансформируется в другой, гражданский план, который представлен социальными противоречиями, воссоздающими реалистические сцены. И все-таки социальное содержание этих стихов — лишь часть более общих, “вечных” проблем, а предчувствия социальных взрывов — лишь форма ожидания эсхатологической катастрофы. Гражданское перестает быть опозицией к личному и становится его частью — в этом и заключается своеобразие гражданской позиции Дулатова.

4. Заключение = Conclusions

Трагический герой казахской литературы — личность не только сильная, но и, прежде всего, думающая, размышляющая. Трагедийный элемент

не может уйти из литературы и общественной мысли, так как он изначально присущ жизни. Это значит, что трагическое — категория вне времени, вечная, не подвластная стремительно меняющемуся миру. В стихотворении М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?) трагизм событий в казахской степи начала XX века не ограничивается литературными рамками. Он раздвигает духовные горизонты в целом и помогает освоению нового идейно-художественного мира казахского поэта и писателя. А. И. Солженицын по поводу одной из своих книг когда-то писал: «В этом — и книга моя: не памфлет, но зов к раскаянию». Эти слова с полным правом можно отнести и к стихотворению М. Дулатова «Қайда едің?» (Где были вы?). Оно утверждает внутреннюю, духовную свободу человека. Трагическое действие в стихотворении включает элементы «страдания», «потери», трагические «перипетии». Оно поддерживается мотивами дороги, степи, бегства, преследования, а также экзистенциальными мотивами одиночества, выброшенности, которые представлены образами природы и людей.

Повтор является одним из ключевых механизмов текстообразования в стихотворении «Қайда едің?» (Где были вы?). Он способствует акцентированию внимания на определенных идеях и созданию трагической эмоциональной напряженности. Антитеза в сочетании с риторическим вопросом, повторами и парадоксом создают глубокий резонанс, выражая трагичность и безысходность ситуации.

Творчество М. Дулатова, как и его современников, стало своеобразным отражением времени, отчетливо передающим драматические и трагические моменты жизни и судьбы казахского народа.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	---

Литература

1. *Белинский В. Г.* Эстетика и литературная критика : в 2 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 2. — 701 с.
2. *Борев о трагическом.* — Москва : Советский писатель, 1961. — 391 с.
3. *Волкова Е. В.* Трагический парадокс Варлама Шаламова / Е. В. Волкова. — Москва : Республика, 1998. — 186 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. — Москва : Искусство, 1971. — Т. 3. — 621 с.
5. *Катарсис : метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова.* — Санкт-Петербург : Алетей, 2007. — 384 с. — ISBN 978-5-903354-75-7.
6. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.

7. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX—XX вв. / Л. А. Колобаева. — Москва : Издательство Московского университета, 1990. — 333 с.
8. Құмырзақұлы А. Мұстафа Кемал Ататүрік ұстаз тұтқан алаш арысы — Міржақып Дулатұлы [Электронный ресурс] / А. Құмырзақұлы. — Режим доступа : e-history.kz (дата обращения 07.03.2024).
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Самое само : Сочинения. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2016. — 573 с. — ISBN 978-5-17-135989-8.
10. Лосев А. Ф. Трагическое / А. Ф. Лосев // Философский энциклопедический словарь. — Москва : Советская Энциклопедия, 1983. — 840 с.
11. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху греков / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений : в 13 т. — Москва : Культурная революция, 2012. — Т. 1/1. — 612 с.
12. Плеханова И. И. Преображение трагического / И. И. Плеханова. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. — 160 с. — ISBN 5-7430-0128-6.
13. Павлович Н. В. Язык образов : Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. — Москва : Азбуковник, 1995. — 528 с.
14. Пьяных М. Ф. Трагический век в зеркале русской литературы / М. Ф. Пьяных. — Санкт-Петербург : Блиц, 2003. — 512 с. — ISBN 5-86789-137-2.
15. Топер П. Цена победы : о некоторых аспектах трагического в литературе об Отечественной войне / П. Топер // Литература великого подвига : Великая Отечественная война в литературе. — Москва : Художественная литература, 1975. — Выпуск 2. — 344 с.
16. Топоров В. Н. Об историзме Ахматовой / В. Н. Топоров // Russian Literature. — 1990. — Vol. XXVIII. — Pp. 277—418. — DOI: 10.1016/0304-3479(90)90020-H.
17. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 2009. — 405 с. — ISBN 5-06-005217-6.
18. Чернышевский Н. Г. Избранные эстетические произведения / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Искусство, 1974. — 549 с.
19. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. — Москва : Мысль, 1966. — 496 с.
20. Шиллер Ф. О трагическом искусстве / Ф. Шиллер // Собр. соч. : в 7 т. — Москва : Гослитиздат, 1957. — Т. 6. — С. 41—64.
21. Шопенгауэр А. Под завесой истины : сборник произведений / А. Шопенгауэр. — Симферополь : Реноме, 1998. — 496 с.

Статья поступила в редакцию 24.03.2024,
одобрена после рецензирования 29.04.2024,
подготовлена к публикации 18.05.2024.

References

- Belinsky, V. G. (1959). *Aesthetics and literary criticism: in 2 volumes, 2*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 701 p. (In Russ.).
- Borev about the tragic. (1961). Moscow: Soviet writer. 391 p. (In Russ.).
- Catharsis: metamorphoses of tragic consciousness. (2007). St. Petersburg: Alethea. 384 p. ISBN 978-5-903354-75-7. (In Russ.).
- Chernyshevsky, N. G. (1974). *Selected aesthetic works*. Moscow: Iskusstvo. 549 p. (In Russ.).
- Hegel, G. V. F. (1971). *Aesthetics: in 4 volumes, 3*. Moscow: Iskusstvo. 621 p. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (2009). *Theory of literature*. Moscow: Higher School. 405 p. ISBN 5-06-005217-6. (In Russ.).

- Kolobaeva, L. A. (1990). *The concept of personality in Russian literature at the turn of the XIX—XX centuries*. Moscow: Moscow University Press. 333 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1986). *Word usage in Russian poetry of the beginning of the XX century*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Kumyrzakuly, A. *Mustafa Kemal Ataturik ustaz tutkan alash arysy — Mirzhakyp Dulatuly*. Available at: e-history.kz (accessed 07.03.2024). (In Kazakh).
- Losev, A. F. (2016). Dialectics of myth. In: *Samo: Essays*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House. 573 p. ISBN 978-5-17-135989-8. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1983). Tragic. In: *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 840 p. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (2012). Philosophy in the tragic age of the Greeks. In: *Complete works: in 13 volumes, 1/1*. Moscow: Cultural Revolution. 612 p. (In Russ.).
- Pavlovich, N. V. (1995). *The language of images: Paradigms of images in the Russian poetic language*. Moscow: Azbukovnik. 528 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2001). *The transformation of the tragic*. Irkutsk: Publishing House of Irkut State University. 160 p. ISBN 5-7430-0128-6. (In Russ.).
- Pyanykh, M. F. (2003). *The tragic century in the mirror of Russian literature*. St. Petersburg: Blitz. 512 p. ISBN 5-86789-137-2. (In Russ.).
- Schelling, F. V. Y. (1966). *Philosophy of Art*. Moscow: Mysl. 496 p. (In Russ.).
- Schiller, F. (1957). On tragic art. In: *Collected works: in 7 volumes, 6*. Moscow: Goslitzdat. 41—64. (In Russ.).
- Schopenhauer, A. (1998). *Under the veil of truth: a collection of works*. Simferopol: Renome. 496 p. (In Russ.).
- Tooper, P. (1975). The price of victory: on some aspects of the tragic in literature about the Patriotic War. In: *Literature of the Great Feat: The Great Patriotic War in literature, 2*. Moscow: Fiction. 344 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1990). On Akhmatova's historicism. *Russian Literature, XXVIII*: 277—418. DOI: 10.1016/0304-3479(90)90020-H. (In Russ.).
- Volkova, E. V. (1998). *The tragic paradox of Varlam Shalamov*. Moscow: Republic. 186 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 18.05.2024.*